

дебютанты «КА»

Лейсан Гатина родилась (1980) в Нижнекамске. Окончила татарскую гимназию № 2 им. Б. Урманче, Казанский государственный технологический университет (с красным дипломом) и затем аспирантуру. В 2005 году защитила диссертацию на соискание учёной степени по теме «Социология управления». Работает в Казанском национальном исследовательском технологическом университете в должности доцента. Участвовала в писательских марафонах социальных сетей. Публиковалась в сборнике «Исповедь чемодана» по линии «самиздата» с рассказом-миниатюрой, а также на платформе «ЛитРес». Предлагаем нашему читателю повесть Лейсан Гатиной «Тайна болгарских подвесок» в жанре исторического фэнтези, которая затрагивает актуальные проблемы подростков. И не только их...

Лейсан Гатина

ПОВЕСТЬ

ТАЙНА

болгарских подвесок

К

КАЖДЫЙ из нас взрослеет и ищет своё дело в жизни. Поиски могут затянуться, а могут стремительно мчаться, увлекая в неизведанные миры. Именно это испытают старшеклассники Роберт и Эля, попав из-за проклятия подвесок в далёкое прошлое. Вернутся ли в настоящее – будет зависеть от них самих. Как закончится путешествие в Древний Булгар, вы узнаете, пройдя с ребятами путь, полный приключений.

Пролог

– Мы теперь часть этой легенды, понимаешь? Как там начиналось? Ага, вспомнил! Давным-давно правил в Великом Булгаре эмир Бахрам – мудрый государь и мужественный воин. Было у него трое сыновей и одна дочь. Жена умерла.

Когда эмир отправлялся в походы, оставлял править вместо себя заместителя – главного визиря Ямана. Однажды пришло известие из дальнего края, что Бахрам утонул в водах Камы. Тогда главный визирь вознамерился хитростью заполучить власть, женившись на дочери правителя Айсун, для чего подложил письмо, якобы от имени государя. В нём эмир велел дочери выйти замуж за Ямана. Девушка впала в отчаяние, но не могла воспротивиться «воле» отца. Отчаялась она неспроста. В соседнем городе Шамсуар* сох по ней юноша Асан-бек. Долго плакала Айсун над золотыми височными подве-

сками – его подарком на праздник Навруз**.

Роберт пересказал содержание древнего предания и взглянул на спутницу, которая шла рядом с ним.

– Верно, – сказала Эля. – Память у тебя просто класс. А сказка окончена для всех её героев, но только не для нас.

Им оставалось найти выход из леса. Пока подростки шли сквозь зелёную чащу, каждый вспоминал события, что случились до того, как они попали в прошлое.

1. Странности в музее

– Такие украшения могли быть у дочери эмира или другой богатой женщины Древнего Булгара, города, что процветал в месте слияния рек Итиля*** и Чулмана****. – Экскурсовод Мадина Эльдаровна показывала сокровища исторического музея. Подвески играли золотыми искрами и удивляли искусными мелкими деталями.

– Изделия выполнены из листового драгоценного металла в технике штамповки, скани и зерни. Ими парно украшали головную повязку или убор, иногда вплетали в косы. Посмотрите, какую сложную форму они имеют. Каждая состоит из крупного кольца, в центре которого примостилась уточка. Крылья и шейка её покрыты золотой сканью из тонкой проволоки, а в клюве она держит золотое зёрнышко. И неслучайно. По древней легенде, эта священная птица сотворила землю. Она постепенно, раз за разом, ныряла в первичный океан и доставала песчинки со дна, и тем самым создала сушу. Вокруг уточки на кольце – три бусины. Они олице-

** Навруз – праздник тюркских народов, означающий начало весны.

*** Итиль – так называлась Волга в древности.

**** Чулман – так называлась Кама у булгар и народов, проживавших на её берегах.

* Шамсуар – Сувар, столица суверенного княжества в Булгарии.

творяют небо, земную твердь, водную глубину. Эти же стихии символизируют и три жёлудя, подвешенные на цепочках – они были нужны, чтобы звон предвещал появление прекрасной владелицы. Все детали покрыты мельчайшей золотой зернью. Великого мастерства требовала работа над подвесками. Величина одного зёрнышка меньше миллиметра. Представляете себе, как сложно аккуратно припаивать мелкие металлические шарики вручную.

Экскурсовод с сожалением отметила, что одна подвеска с изъяном:

– Жаль, тут бочонка не хватает. Ой, пожалуйста, не толпитесь. Подходите к стенду по очереди, – с мольбой предостерегла она подростков.

Те никак не выстраивались в аккуратный ряд около милейшей женщины. Она решила успокоить хаотичное движение вокруг себя. Два десятка ребят находилось в зале для показа особо ценных музейных предметов. Ещё столько же ожидало своей очереди с её коллегой за дверями. Пожилая хранительница беспокоилась за темп музейного хода, но больше за близкое нахождение драгоценного прошлого и суетливого настоящего. Но раз директор Неля Мунировна поручила провести экскурсию для талантливых подростков из летнего лагеря, придётся потерпеть ещё немного:

– Может, у вас есть вопросы?

– А что такое Чулман?! – Выкрик из шумной толпы обрадовал прилежного экскурсовода.

– Так называлась река Кама у тюркских народов в древности. Пойдёмте, покажу на карте, – завела излюбленную тему Мадина Эльдаровна и вывела за собой ребят в основной зал, чтобы показать расселение древних племён.

– Эль, *look**, тебе бы пошло. – Роберт не двинулся за группой, а приблизился к золотым изделиям и, обращаясь к спутнице, ткнул в стекло пальцем.

– Ходила бы и звенела, как коза с колокольчиками.

– Сам козёл! – Эля не растерялась и щёлкнула по носу незадачливого шутника.

– Вам же сказали, что в музее нужно вести себя надлежаче! – мгновенно подскочила к подросткам высокая сухощавая женщина в коричневом костюме. – Украшения хоть и под стеклом, но требуют бережного отношения. Древности, между прочим, могут и проклятие насылать, так что на вашем месте, молодые люди, я бы не рисковала даже пальцем на них показывать.

Дама злобно сверкнула глазами стального цвета из-под модных очков «кошачьи глазки» и добавила шёпотом:

– Был тут один историк из университета, исследовал старинные предметы. Но с недавних пор пропал без вести. Говорят, виноваты эти подвески.

Она громко позвала экскурсовода, сделав ей строгое внушение:

– Мадина Эльдаровна, вы бы внимательнее смотрели за посетителями. Вон, скоро экспозицию растащат на сувениры и все стеклянные витрины перебьют. Интересно, где их вожатые?

– Неля Мунировна, мы тогда продолжим в другом зале, – виновато промямлила подчинённая и увела ребят за собой дальше.

Исторический музей в лице его работников безропотно сносил проделки малолетних посетителей уже не в первый раз. Всё ради того, чтобы привнести в оцифрованные умы хоть крупицу представления о славном прошлом предков. Одни бережно собирали, исследовали ценные предметы, а другие являлись, угрожая устроить вавилонскую неразбериху в храме истории.

– Роберт, ты поверил этой коричневой ведьме в очках? – задумчиво спросила Эля после ухода строгой дамы.

– Заливает она, это всего лишь старые украшения. Тоже мне, придумали проклятие! Это даже не мумии, как в Египте, – отмахнулся парень и вместе с остальными ребятами отправился разглядывать средневековое оружие.

* **Look** (англ.) – смотри.

Эля отпросилась у экскурсовода в туалет и вернулась к началу экспозиции. На душе скребли кошки. Выкинуть из головы тягучие размышления о проклятии не получалось. У массивных дверей при входе в первый зал судачили две тонкие шали смотрительниц.

– Давненько Дамир Халилович не заходил, забыл или работает где на выезде? Интересные истории из жизни археологов рассказывал, помнишь, в буфете-то? Хороший он мужик, даром что профессор.

– Такое дело, – придвинулась серая шаль к белой и шёпотом продолжила: – Поговаривают, разругался он с нашей Мунировной из-за тех подвесок с уточками, ну, знаешь их. Что-то нечисто в этом деле, ой, не... Девочка, чего тебе тут надо? Нехорошо подслушивать. Если заблудилась, иди на второй этаж, – шаль взмахнула лёгкими кистями, указав на лестницу, и мягко подтолкнула Элю в плечо. – Иди-иди, не отставай от своих.

Эле пришлось покинуть музейных сплетниц и вернуться в шумную толпу подростков.

– Роб, ты прав. – Эля разыскала друга около огромной императорской кареты. Мальчишки мерились ростом с колёсами, заглядывали под рессоры и искали амортизаторы. – Историк тот просто поругался с коричневой мегерой и больше не приходил.

– Ну, *all right**. Она просто токсик, хотела припугнуть. *Relax*** , Элька. Проклятий не бывает. – Роберт успокоил спутницу и переключился на друзей. – *Guys****, тут, похоже, нет амортизаторов. Настоящий *trouble*****, а не транспорт. Пошли другие агрегаты посмотрим.

– На этом наша экскурсия подошла к концу. Дальше идите с вожатыми. – Мадина Эльдаровна с явным облегчением вернула неуёмных подростков на

попечение работников летнего лагеря. – Надеюсь, вам понравилось у нас?

– Ага! Очень! – раздалось из шумной толпы.

– Приятно было видеть вас в нашем музее, до свидания и удачного лета! – с улыбкой пожелала сотрудница музея и отправилась перевести дух.

– Ребята, разойдитесь по вожатым и заканчивайте осмотр экспозиции, – командовал заместитель начальника лагеря.

Строгому голосу молодого мужчины пришлось повиноваться. Отряды миглом построились друг за другом и двинулись обходить последние залы.

Эля с Робертом в разговорах больше не возвращались к странному происшествию, а к вечеру и вовсе забыли о нём. И только музей знал, что в его стенах уже началась необычная история.

2. Что-то другое

– Элька! Сюда! – Роберт схватил спутницу за рукав футболки.

– Отпусти, порвёшь тишку****! – насупилась та, но тут же испуганно умолкла.

Дождь припустил так, что невозможно было различить деревья. Яростные раскаты грома застали подростков в лесу, куда они отправились в однодневный поход с отрядом. Роберт потянул девочку в сторону, где две минуты назад за поворотом скрылись друзья. Казалось, через пару шагов должны нагнать их. Но вместо этого уперлись в избёнку, внезапно выросшую словно из-под земли. На крыше и посеревиных от древности брёвнах лежал зелёный мох. Дверь была приоткрыта.

– Может, отряд укрылся там? – Подростки с опаской заглянули внутрь. Повяло пыльной сыростью и едва различимым ароматом ромашки. В углу чернели остатки печи. Из-за них выгля-

* *All right* (англ.) – хорошо.

** *Relax* (англ.) – расслабься.

*** *Guys* (англ.) – парни.

**** *Trouble* (англ.) – проблема.

***** Тишка (от англ., подрост. сленг.) – футболка.

дывала скамья. Не сговариваясь, ребята решили переждать ливень у порога. Искать дорогу в непогоду могло быть опасным. Да и смартфоны что-то не ловили сеть. Недружелюбно встретила покосившаяся набок избёнка. Но другого убежища не было. Скинув рюкзак, Роберт приобнял озябшие плечи спутницы, как делала его мама в сложные моменты:

– Элька, *don't worry**, скоро выберемся. – Горячей ладонью он ободряюще похлопал по тонкому предплечью подруги. – Всего лишь летняя гроза. У нас в Америке и не такое бывает. Раз в десять хуже.

– Да ладно! – засмеялась она. – Гроза везде одинаковая, и я боюсь её. А вдруг шаровая молния появится?

– Страшилок наслушалась? Ой, и *sensitive you***!

– А сам? Как ухватился за меня при первых раскатах грома и потащил куда-то! – парировала Эля. – Думала, кости переломашь.

– Разве? – Подросток перевёл смущённый взгляд на свои кроссовки. – Да это... я на автомате. Вроде ливень кончился... – Выставив руку из-под козырька крыльца, Роберт проверил предположение. Редкие дождевые капли звонко шлёпались в лужи и расходились кругами. – *Let's go****, нужно до заката вернуться. Думаю, лагерь уже недалеко.

– Дороги развезло. Представляю себе, с какими кирпичами грязи на обуви доберёмся. Ещё и от вожатого влетит за то, что отстали. Держи меня за руку, скользко. – Девчушка еле поспевала за длинными шагами долгового подростка, но постоянно поглядывала на монитор смартфона. – Сети всё ещё нет, наверно, из-за дождя.

Лес противился выпускать ребят, будто пытался заполучить молодые

души. Деревья плотно выстроились. Широкая тропа исчезла под ковром папоротника.

– Роб, смотри, дорога не натоптана и совсем не похожа на ту, по которой мы забрели в лесную избушку.

– От страха могли и не запомнить. – Он внезапно остановился и молча указал пальцем. Среди кустов на небольшой поляне паслись косули. – Не спугни...

– Как в зоопарке! – изумилась Эля. – Не знала, что такие здесь водятся. Обойдём? – Она вопросительно взглянула на друга.

Ребята осторожно обогнули грациозных двурогих и устремились в изумрудную чащу. Они надеялись, что скоро лес закончится, а вместе с ним и затянувшийся поход.

Наконец деревья выпустили из плена. Закат алым занавесом зловеще распростёрся на горизонте. Палаточный лагерь ребята не увидели. Вместо него вдалеке высилась крепость с могучими деревянными стенами и тёмными бойницами башен.

– Декорации к фильму? – Подростки посмотрели друг на друга, а потом в телефоны. Но отсутствие сигнала сотовой сети намекало на что-то другое.

– Надо продвигаться. – Роберт указал на крепость. – Должны же там быть люди. У них и узнаем.

Девочка вздохнула и поплелась вслед за парнем.

Они пересекли поле, раскинувшееся цветным покрывалом. Эля поймала себя на мысли, что ей никуда не хочется идти, а тянет лечь на мягкую траву, смотреть в небо и провожать взглядом малиновые облака. А ещё вдыхать сладкие ароматы разнотравья, щедро распылённые в вечернем воздухе. Пришлось себя одёрнуть – нельзя было терять время. Да и само поле после дождя не успело высохнуть и выглядело загадочным, непонятно откуда появилось, она не помнила такого возле лагеря.

Не доходя до цитадели, ребята остановились у одинокого дуба-старца,

* *Don't worry* (англ.) – не волнуйся.

** *Sensitive you* (англ.) – впечатлительная ты.

*** *Let's go* (англ.) – пошли.

спрятались за его мощным стволом и стали наблюдать. В крепость вела широкая грунтовка, изрезанная следами тонких колёс и утопанная лошадиными копытами. Дорога упиралась в деревянный мост, что висел на гигантских цепях, уходящих в могучие стены двумя змеями. Мост был перекинут через ров, на дне которого щетинились острые колья. Вход в твердыню представлял собой арку с высокими деревянными воротами. Обе створки имели большие кольца-ручки. Чтобы пройти через мощные двери, нужно было проскочить мимо караульных, что зорко следили за входящими и выходящими. Они были странными: в необычной одежде да ещё с копьями и саблями.

– Нам точно надо туда? – Эля нервно сжала пальцы Роберта, предчувствуя опасность.

– Другого пути не вижу. Там люди, вдруг смогут помочь, – успокаивал тот и её, и себя.

– Недобрые они какие-то. С оружием. Помнишь, такое же в музее видели?

– Думаю, это историческая реконструкция. Скорее всего, мы вышли из леса в другом месте.

Наконец подростки решились и двинулись в сторону ворот. Охрана заметила их и грозно выставила копыя.

Позади ребят раздался топот. К ним приближался мужчина на гнедом коне.

– Стойте! – крикнул он.

Друзья замешкались, переводили взгляд то на всадника, то на хмурые лица караульных.

Конь остановился в метре от ребят. Запыхавшийся мужчина похлопал скакуна по шее и спрыгнул на землю. Эля спряталась за спину Роберта и схватилась за его футболку. Она редко испытывала страх, но в этот раз чутьё подсказывало: им что-то серьёзно угрожает.

– Хотите жить, идите со мной. Молча. Пройдём в город вместе, – негромко произнёс незнакомец.

Он взял поводья в одну руку, ладонь Роберта – в другую и повёл ошарашенных подростков к воротам крепости.

3. Знакомство

Их провожатый – хорошо сложенный мужчина среднего роста – шагал мягко и размеренно, всем видом демонстрируя обыденность ситуации. Роберт внимательно рассматривал человека, который держал его за руку. Смуглое лицо незнакомца пока не тронули глубокие морщины, но во внешних уголках глаз уже наметились вестники зрелой мудрости. В такт движениям колыхалась волнистая шевелюра до плеч оттенка «перец с солью». Аккуратная борода обрамляла подбородок серебристым полумесяцем. «Наверное, ему около пятидесяти. У отца тоже седина, а ему сорок восемь», – подумалось Роберту.

На мужчине ладно сидела простая одежда: льняная рубашка без ворота и широкие тёмные штаны, заправленные в мягкие сапоги, испачканные землёй. Почти такие же, из хорошо выделанной цветной кожи, он видел в музее, экскурсовод называла их ичигами. Наряд довершалось нечто, похожее на стёганый халат выцветшего зеленовато-серого цвета. Голову провожатого прикрывала чёрная шапочка, которую он достал из-за широкого пояса при спешивании.

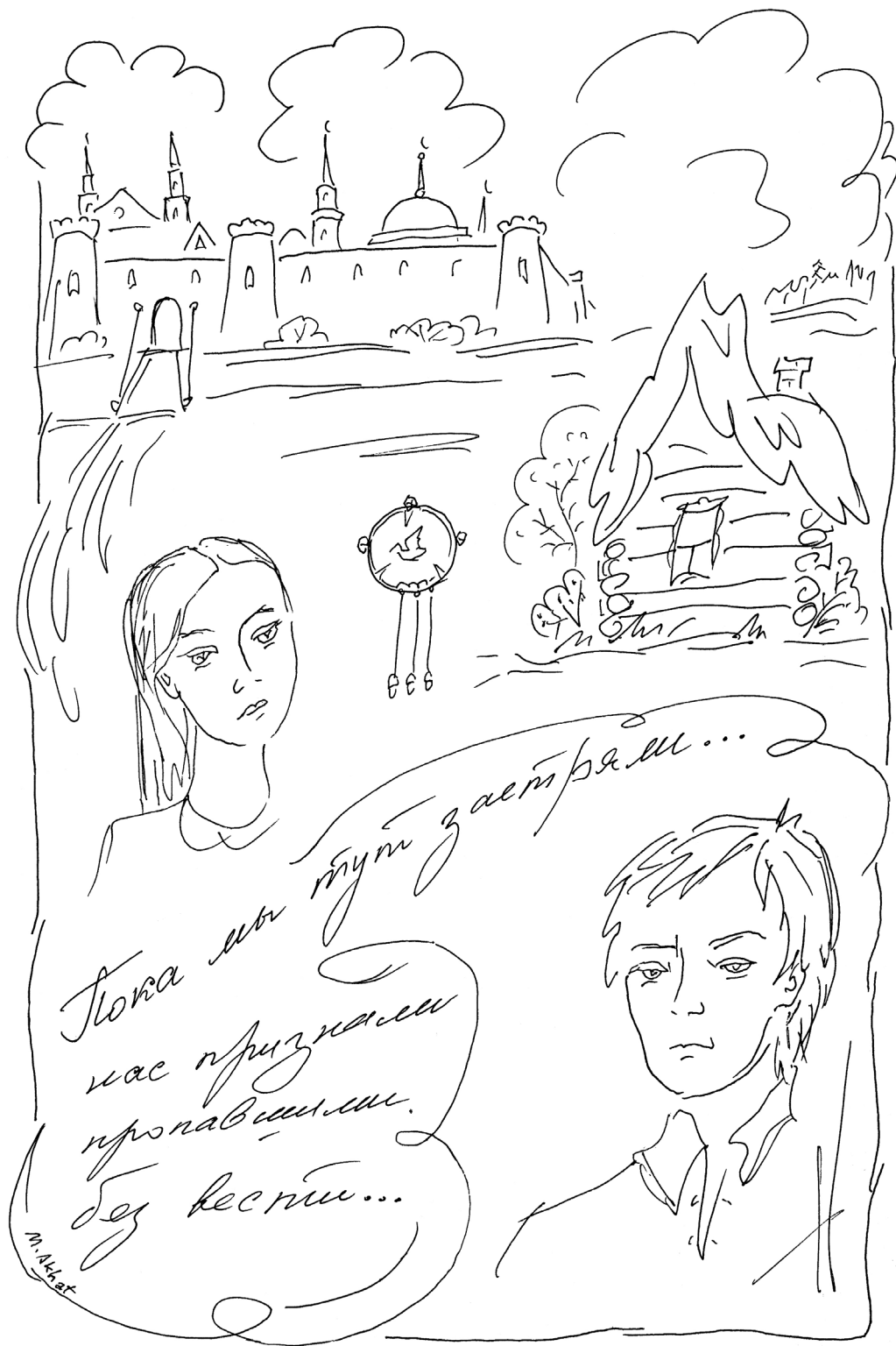
Через мягкое пожатие ладони Роберту передалось спокойствие незнакомца. Эля вцепилась дрожащими пальцами во вторую руку.

– Не знаю, что там. Но этому мужику доверяю, – шепнул он в светлые девичьи кудри, поняв, что другого варианта войти в город попросту нет. Каким-то чутьём ощутил, что незнакомец – единственная соломинка, за которую нужно хвататься.

– Даат! – поприветствовал мужчину один из охранников.

Разговор повёлся на незнакомом Роберту языке, но слова своим звучанием напоминали татарскую речь. После короткого общения спутник указал на них, затем жестом пригласил следовать за ним дальше.

Троица молча прошла под мощной

аркой. Охрана осталась позади, продолжая нести караульную службу.

Только в этот момент до Роберта начало доходить, что никакая это не реконструкция. Ворота строили с явным расчётом на сопротивление врагам. Стены крепости имели несколько метров толщины. А обхват брёвен в них говорил, что строительство занимало не один день и требовало особой подготовки. Для фильма никто так заморачиваться не станет. «Что это за место?» – задавался вопросом юноша и только успевал вертеть головой по сторонам. Вслух они не произнесли ни слова, понимая, что простых ответов не получить, а сложные требовали спокойной обстановки.

Навстречу попадались люди, одетые в точности как на тех рисунках, что Роб видел в историческом музее. На стенах деревянных домов горели факелы. Сумерки сменились темнотой ночи, чёрная завеса всё плотнее накрывала улицы и строения.

– Ну, вот мы и дошли, – объявил провожатый притихшим подросткам. – Устали? – Он открыл деревянную калитку, впустил гостей в небольшой двор, затем завёл коня в сарай. После отворил дверь и пригласил войти в жилище.

– Заходите, не стесняйтесь. Тут безопасно. Дом мой. Пусть небольшой и без удобств, привычных в двадцать первом веке, но мне нравится.

Произнеся это, Даат поднял с крыльца две глиняные плоски, поставил на скамью и зажёл в них фитили с помощью искры, чиркнув небольшим камнем о металлический предмет. Потом взял в руки эти светильники и вошёл внутрь.

– Проходите же, – позвал из глубины жилища его мягкий голос.

Ребята проследовали внутрь, разулись по примеру хозяина. Миновали сени. Осмотрелись уже в комнате при мерцании огня ламп. Скучная обстановка включала небольшую цилиндрическую печку, обмазанную глиной, полати и широкий топчан, грубо сколочен-

ную скамью и полки, прибитые к стене. Голова Роберта почти доставала до потолка помещения. Вместо стёкол в небольшие окна был вставлен белёсый материал*.

– Где мы? – Роберт начал с главного сразу после того, как расселись на скамье и топчане.

– Давайте для начала познакомимся. В вашем и когда-то моём мире я Дамир Халилович Маликов, профессор Казанского университета, доктор исторических наук. Хотя тут это мало кому интересно. Здесь все зовут меня Даат, и я занимаюсь... Впрочем, об этом потом. Расскажите о себе, кто вы, откуда, и как попали в это время?

Тени собеседников от тусклого света танцевали на стенах, создавая загадочный антураж. Роб округлил глаза и нервно хихикнул.

– Какое время?! *Are you serious?*** Мы все из двадцать первого века, правда, разных дат изготовления!

– Я – Эля, мне четырнадцать. Перешла в девятый класс гимназии в Казани.

– А я – Роберт, – покорился подросток мягкому вопросу в глазах профессора. – Мне – пятнадцать. Приехал на каникулы в Россию. Живу с мамой и отчимом в Америке, в Калифорнии. Осенью пойду в десятый класс. Мы с Элькой отдыхали в палаточном лагере около Камы. Во время грозы отстали от своего отряда, переждали дождь в лесу в заброшенной избушке. Вышли из чащи и напоролись на это всё, – развёл руками юноша, словно подытоживая свой рассказ.

– Приятно познакомиться. Вы, оказывается, мои земляки. Итак, меня зовут Даат, и на местном языке это означает «путь к познанию». Предвосхищаю ваш вопрос про местный язык. – Профессор поднял палец и улыбнулся. – Мы в древнем Булгаре, сейчас

* В качестве материала для окон использовались бычьи пузыри.

** *Are you serious* (англ.) – вы серьёзно?

одна тысяча сто двадцать второй год, середина июня.

– Так это вы и есть тот историк, что пропал и не приходит больше в музей истории Татарстана? – догадалась Эля, вспомнив, о чём судачили смотрительницы.

– Возможно, и я. А разве мы знакомы?

– Нет. Случайно подслушала разговор о вас и Мегере Мунировне.

– Как-как? – недопонял Даат последние слова.

– Ой, о Неле Мунировне, – смутилась Элька и толкнула Роберта в бок. – Помнишь?

– Мы во что-то влипли или это розыгрыш? – Юноша буравил глазами профессора, всё ещё не принимая его слова всерьёз.

– На дворе действительно двенадцатый век, мои дорогие. А как вы попали сюда, нужно разобраться. Но сейчас лучше поесть и поспать. Утро внесёт ясность в загадки.

Профессор встал, поискал что-то в сених и принёс кувшин с молоком, горбушку хлеба и терракотовую миску с холодной кашей.

– Ужин небогат, но завтра что-нибудь придумаем.

Даат прихватил с полки два толсто-стенных глиняных сосуда, металлический нож, костяные ложки, похожие по размерам на чайные.

– Вот такая тут утварь, не удивляйтесь. Ешьте... – Он разлил молока в небольшие чаши, вручил приборы притихшим ребятам.

– Посуда тут в тренде экологичного потребления, – одобрила Эля. – А что за каша? – Девочка набрала в ложку несколько разваренных зёрнышек из миски и стала разглядывать.

– Ожидали разваренную в кисель овсянку быстрого приготовления? – рассмеялся профессор. – Это ячмень. Похож на нашу перловку. Ассортимента супермаркетов тут не ждите. Но с голоду тоже не иссохнете. Ну, пару-тройку килограмм скинете, я думаю. Тут все активно двигаются.

Дождавшись окончания ужина, профессор уложил ребят на широкие полати, которые называл саке. Полати начинались от печки и заканчивались у противоположной стены. С одного конца устроились перина, войлочное покрывало и подушка. Элька пощупала последнюю, внутри зашуршала солома. С другого конца широких саке Даат положил тулуп из чёрной жёсткой овчины и предложил выбрать каждому место для сна. Потом пожелал спокойной ночи и вышел на улицу.

– Элька, уснула? – зашептал Роберт из-под тулупа.

– Нет ещё, но очень хочется, – зевнула подруга, поворачиваясь на бок на соломенной перине и укрываясь покрывалом.

– Что думаешь о профессоре?

– Мы знакомы несколько часов, ничего ещё не думаю. Первое впечатление приятное.

– Странно как-то всё. Он нас встретил, к себе привёл, – не унимался Роберт.

– Ну и прекрасно. Спать где-то на улице или в поле было бы не то. И так натерпелись за сегодня.

– Пока мы тут в древних веках отдыхаем, нас олды* потеряли. Понимаешь, что напрасно ищут? – торопливо шептал в темноту подросток.

– И что? Как мы можем повлиять на то, что от нас на тыщу лет впереди? Роб, я не знаю, как и почему мы оказались здесь. Просто сейчас хочу спать. Ответы будем искать на свежую голову. Всё, гуд найт**, – завершила разговор Эля и сомкнула потяжелевшие веки.

Нитьё парня неприятно удивило. Хотя в глубине души она понимала его и представляла себе переживания родителей. Но ничего же сделать невозможно. В такие моменты оставалось только притаиться и ждать.

– Пока мы тут застряли в Средне-

* Олды (от англ. подрост. сленг) – старшие, здесь: родители.

** Гуд найт (от англ.) – спокойной ночи.

вековые, нас признают пропавшими без вести. Все мечты и планы *fell flat**, – бубнил Роберт, хотя понимал, что его желания и в двадцать первом веке не сильно кому-то сдались.

– Почему «квартира упала»? – вопрос неожиданно вернувшегося профессора положил конец переговорам на полатах.

– Провалились планы на лето, это оборот такой, – объяснил юноша.

А Даат подумал про себя: «И чего всех в эту Америку несёт?»

Усталость и пережитый стресс сморили Эльку, её быстро накрыло сном. К Роберту успокоение не приходило, он долго переваривал случившееся, но скачки мыслей по кругу, в конце концов, усыпили и его.

Профессор устроился на топчане, до того служившим столом для ужина. Он постелил поверх принесённой охапки сена свой стёганный халат, ворочался, хотя постель была привычной, обдумывал, как помочь неожиданно свалившимся на его голову подросткам. Непривычно было видеть современников из двадцать первого века, но в то же время радостно, что одиночество закончилось, как и было предсказано. Заснул под утро, когда уже первые петики прокричали приветствие новому дню.

4. Роберт

Шесть лет назад родители Роберта Маратовича Каримова развелись. Ничего не предвещало разрыва отношений между отцом и матерью. Они всегда ругались, после мирились, так и жили до очередного скандала с битьём посуды, терзая нервы друг другу.

Несмотря на частые ссоры в семье, Роберт рос нормальным ребёнком. Игрушки, гаджеты, путешествия, изучение языков. Отец не отказывал сыну ни в чём, что касалось развития и развле-

чений. Но человеком он был суровым и семье уделял мало времени. Главным детищем, к которому относился с нежностью, считал свой бизнес. А сын? Всего лишь продолжатель его дела.

Когда Роберт был маленький, мать постоянно находилась рядом с ним. После поступления в школу сыну пришлось учиться самостоятельности. И именно в то время Диана поняла, что ошиблась с выбором мужа. Постоянные выяснения отношений выматывали, с каждым разом их ссоры становились серьёзнее. Однажды разбитая посуда так и осталась лежать на полу. Роберт запомнил слова матери: «Хватит! Больше не могу выдерживать тебя, Марат. Давай разойдёмся по хорошему». Она собрала вещи и ушла к матери, прихватив ребёнка. Муж, оторопев от неожиданности, даже не препятствовал расставанию, да и самому надоела такая семейная жизнь. Роберт сначала не верил в их развод. Потом принял решение родителей, но чувство обделённости стало постоянным его спутником.

Начался новый этап жизни Роберта. Отец никуда не делся, но его присутствие в жизни ребёнка уменьшилось до минимума. Роберт не знал, в чём причина – в занятости или нежелании встречаться с сыном. Спрашивал иногда у мамы, но та уходила от прямого ответа. Бабушка со стороны матери не упускала возможности язвительно отозваться о бывшем зяте.

Роберта озадачивали и расстраивали непонятные отношения с отцом. Хотя и у многих других одноклассников подобные ситуации случались, ему это жизнь в неполной семье не облегчало. Как следствие, начались сложности в школе, двойки за поведение и контрольные работы, которые Роберт не мог выполнить. Мать заметила резкие перемены в поведении сына и пыталась помочь пережить отчуждение отца. Кто-то из подруг посоветовал отдать мальчика в спорт, мол, пусть там оставляет переживания и эмоции. И было решено, что единоборства по-

* *Fell flat* (англ.) – провалились.

могут справиться с неуверенностью и прибавят смелости. Так Роберт попал в секцию карате.

Но даже физическая нагрузка надежд не оправдала. Роберт усердно посещал тренировки, но в спаррингах почти всегда проигрывал. «Удар – вялый, глаз – трусливый», – так говорил про него тренер. Мальчик объяснял себе это по-своему. Из-под него выбили опору, пусть шаткую, но такую, на которой можно удерживать равновесие, чувствовать себя полноценным и нужным. Если он собственному отцу не интересен, что тогда говорить о других? Задавался вопросами сам, спрашивал маму и бабушку. Они отвечали уклончиво: «так бывает», «всё же прекрасно устроилось», «скоро вырастешь, и сам поймёшь». Что он должен осознать, Роберт не понимал. «Видимо, не нужен ему такой сын, как я. И оставил нас с мамой именно поэтому», – заключил мальчик, в конце концов.

В десять лет Роберт переехал в другую страну. Мать вышла замуж за американца и уговорила бывшего супруга отпустить сына. Так обычный казанский мальчишка очутился на западном побережье США. В пригороде Сан-Франциско жить было легче, чем в Казани. Отчим, Джеймс, оказался отличным приятелем, брал с собой в поездки, знакомил с местной культурой. Но когда родилась сестрёнка, мужская дружба отошла на второй план, уступив место счастливому отцовству. Да и мать переключилась на младшего ребёнка. Роберт всё чаще пропадал с новыми друзьями, пробуя взрослую жизнь на вкус и границы.

Однажды, когда сестрёнке исполнился год, мать оставила Роба с ней дома и на пару часов уехала за покупками. Малышка интересовалась всем подряд, активно ползала и уже пробовала ходить. Старший брат налил горячий чай, поставил кружку на кухонный стол и отвлекся на просмотр канала известного блогера в смартфоне. Сандра воспользовалась свободой и смахнула кружку с кипятком на свою русую

макушку. Девочка громко заплакала от страха и резкой боли. Роберт испугался не меньше ребёнка, набрал телефон матери, чтобы сообщить об инциденте, и в ужасе ожидал её возвращения из супермаркета. По реакции на том конце соединения понял, что взбучку получит серьёзную.

Вместе с матерью одновременно приехали неотложка и отчим. Медики решили, что увезут малышку для обработки ожогов. Мать успокаивала дочь, на сына только раз взглянула, молча собралась и уехала в больницу. Отчим Джеймс, проводив её, вернулся в дом за ключами от машины, чтобы отправиться вслед. Встретился глазами с Робом в холле и укоризненно произнёс:

– Тебе доверили простое дело, а ты не справился.

– Случайно вышло. Я только отвернулся, а она успела... – начал оправдываться Роберт.

– Конечно, малышка во всём виновата. Ей всего год, а тебе скоро четырнадцать! – почти прокричал Джеймс, махнул рукой и вышел из дома.

Роберт уткнулся лицом в руки и заревел. Плакал навзрыд. Долго. От бессилия повалился на диван в гостиной и заснул. Через час проснулся. В доме он был по-прежнему один. Лежал с закрытыми глазами, размышлял, как жить дальше и скоро ли забудется этот случай. Хотел бы он вернуть миг до опрокидывания кружки, но понимал, что исправить ошибку невозможно. Отчим вряд ли простит, а мама будет постоянно напоминать про злополучный чай. Решив, что здесь ему больше не рады, вскочил и в отчаянии выбежал на улицу в чём был. Смартфон забыл между складок мягкой мебели.

Шёл, не разбирая дороги. Навстречу попался одноклассник Том – один из заводил и развязных парней в их параллели.

– Привет, Роб! Как дела?

– Да так, есть траблы, – хотел побыстрому отвязаться от знакомого Роберт.

– Ну, это, если хочешь, пошли ко

мне домой на пати*. Старший братан устраивает. Олды уехали на несколько дней, – не унимался приятель.

– Окей, пошли, – согласился Роберт.

Уговоры означали: его хотят видеть и общаться. Не то что дома. Том жил в двух кварталах, ничего страшного, если придётся возвращаться ночью. Но вернуться самому не довелось. Соседи Тома пожаловались в полицию на грохот музыки. Вечеринка накрылась, а несовершеннолетних полицейские отпускали из участка только с родителями. За Робертом приехал отчим. Оказалось, он искал подростка уже несколько часов, и даже обрадовался звонку копов.

– Роб, сегодня выдался тяжёлый день. Давай, не будем ничего обсуждать. Просто вернёмся домой. Твоя мать в госпитале с Сандрой. Завтра спокойно поговорим, – устало произнес Джеймс, когда Роберт сел к нему в машину.

На его предложение парень молча кивнул и по дороге не проронил ни слова. Он устал от бесконечного дня, полного несчастных событий, и мечтал оказаться в тишине своей комнаты.

Утром отчим приготовил завтрак. Поели молча. После Джеймс начал разговор. Роберт сжался от страха.

– Собирайся, едем в больницу, навестить Диану и Сандру. Матери я не сообщил вчера о том, что ты пропал. Не хотел усугублять её состояние. Хорошо, что у тебя хватило мозгов не натворить ещё больших глупостей.

– Мне стыдно за произошедшее, – тихо произнёс Роб.

– Ну, если сам всё понял, – выдохнул Джеймс, – тогда пошли.

К счастью, одежда и волосы на голове маленькой Сандры смягчили степень ожога. Она осталась с мамой в больнице ещё на несколько дней, для наблюдения. При встрече Диана не стала кричать на сына, только сурово

отчитала за безответственность и невнимательное поведение. Позже, конечно, простила. Роберт и Джеймс не стали просить друг у друга прощения: первый – за исчезновение, а второй – за повышение голоса. Просто после того случая отчим, как и родной отец, охладел к парню, переключив всё внимание на дочь. Подросток снова чувствовал себя ненужным, но понимал, что сам виноват, а оттого старался не устраивать новых проблем родителям.

Через полгода после этих событий, когда наступило время летних каникул, отец позвал его в Россию. Иногда Марат Каримов вспоминал о существовании сына и даже первым шёл на контакт. Выходило, правда, неуклюже. Переписка и звонки по Интернету близости не способствовали. Поэтому Роберт обрадовался предстоящей встрече в надежде, что получится сродниться после нескольких лет жизни на разных концах планеты.

По приезде на родину между Робертом и отцом случился серьёзный разговор:

– Тебе пора о будущем подумать. Какие планы на жизнь? – Отец взял курс на главное.

– Да так, программированием увлекаюсь, хотел бы в этом продвигаться, – начал сын.

– Ну, хобби – это хорошо. А поступать куда будешь? Думал уже?

– В университет в Сан-Франциско на информационные технологии, – Роберт не понимал, куда клонит отец.

– Раскатал губу на биткоины? Хочешь без напряга разбогатеть? – усмехнулся Каримов-старший. – Что ты в своём возрасте понимаешь! Я вот девятностые пережил. Дед твой тогда не выдержал трудностей, после сокращения с поста начальника цеха заработал инфаркт, помер и оставил меня, тогда ещё студента, разгребать проблемы.

– И что ты делал? – Роберт с интересом слушал семейную историю. До этого отец не откровенничал с ним.

– Пришлось учиться и параллельно вкалывать за копейки. Открыл бизнес.

* Пати (англицизм) – вечеринка.

Знаешь, как тогда рэкет всех предпринимателей доил? Как те годы вспомню, так волосы на голове от ужаса шевелятся.

– А как выстоял?

– Накануне дефолта в девяносто восьмом случайно обменял рубли на доллары, наварился на курсе валюты и резко раскрутил дело. В двухтысячных стало полегче. Сейчас у меня, можно сказать, целая бизнес-империя: строительная компания, агентство недвижимости, дизайнерское бюро, доли в других предприятиях. Огромные обороты, – рекламировал свои успехи отец.

– И нет свободного времени, – заключил сын.

– Не умничай. Лучше держись советов опытного человека. Я ради своего дела землю голыми зубами грыз. Тебе надо на юридический или экономический поступать. Причём здесь, в России.

– Это мог и по телефону сказать. Зачем нужно было сюда вызывать? – Роберт захотел уехать обратно. Настроение окрасилось в серый цвет. Надежда на нормальные отношения с таким близким, но далёким папой улетучилась.

– Бизнес нужно расширять. Без верных союзников нет надежды на завтрашний день. Хочу дать стоящее образование и вырастить из тебя преемника. Сейчас иди, займись чем-нибудь. А я – на работу.

Через неделю после этого отец снова позвал сына в кабинет:

– Послушай. Мне нужно уехать по делам, дней на десять. А тебе я взял путёвку в лагерь для одарённых детей. В хорошем месте, Спасский район, это на месте слияния Волги и Камы. Отсюда не больше двухсот километров.

– Что там делать? – Роберт сморщился. Что ещё за кэмп*? Непонятно.

– Пообщаешься там... Заодно возмужаешь и окрепнешь на воздухе. Ну и бизнесу поучишься. Я уже договорил-

ся с нужным челом, тебя берут. После возвращения обсудим будущее ещё раз.

Оранжевыми и зелёными шатрами палаток встретил Роберта подростковый лагерь. В течение дня выдерживался режим. Ранний подъём и зарядка сменялись занятиями и встречами. Приезжали учёные, исследователи университетов и предприниматели Казани. Вечера проходили весело и познавательно.

В отряде Роберта было тринадцать человек. «Чёртова дюжина» называли они себя, потому что постоянно что-то вытворяли. То ночные битвы подушками, то переодевания девочек в мальчиков и наоборот. Вожатый их отряда раздражался, но изменить ничего не мог.

Поначалу «американец» стеснялся, но уже через пару дней освоился и с удовольствием втянулся во все развлечения отряда, ходил купаться на речку, подшучивал над девчонками. Даже дежурство в столовой перестало казаться скучным делом.

С Элей познакомился в первый же день. Она сама подошла и представилась. На занятиях сидела рядом. «Симпатичная блондинка. Но мелкая и какая-то худосочная. Глаза свои серозелёные иногда смешно таращит, так, что брови над ними тоже поднимаются вверх. А если смеётся, то громко, на всю округу, запрокинув голову. Другое дело – Каринка – точно *neat***». Стройная и длинноногая», – заключил Роберт после двух дней знакомства. Однако он удивлялся мощной энергии в маленькой девчонке, что выглядела слабой и беззащитной, словно пугливый воробушек. Новая знакомая оказалась не трусихой, всегда оказывалась в гуще событий. Повышенное внимание Эльки льстило, но не более того. «Тоже мне!.. Пусть только не крутится под ногами, когда я с Каринкой начну мутить», – мысленно отмахивался Роберт от мелкой, но продолжал общаться. В ней

* Кэмп (от англ.) – лагерь.

** Neat (англояз. сленг) – классная.

чувствовалась живость и уверенность. Последнее одновременно привлекало и отталкивало.

Эля не замечала метания друга, отношения с ним выстраивала ровно и без заискиваний. Хотя Роберт видел всё иначе: «И чего она привязалась? Вокруг подружек полно, а липнет ко мне, как жвачка к подошвам кроссовок. Даже в музее проходу не давала. Выдумала проклятье древних серёг или подвесок, как их там?» Роберт все ещё не очень уверенно говорил на русском. Мама заставляла смотреть российские фильмы, общаться с ней на родном языке. Но всё чаще в речи и в мыслях подросток переходил на смесь русского и английского. Акцент, приобретенный в США за последние пять лет, выдавал в нём иностранца. Сначала ребята в лагере осторожничали, но вскоре поняли, что свой.

Расписание мероприятий после посещения исторического музея обещало поход в лес: на целый день, с привалом, костром и спортивным ориентированием. «Не лагерь, а какой-то клуб бойскаутов. А ведь папа меня отправлял изучать бизнес и экономику», — мысленно ворчал Роберт перед сном, собирая рюкзак с водой и запасной одеждой. На родине жизнь подростков в каникулы была полна странных занятий. Но с другой стороны, нахождение вдали от цивилизации, родных и близких начинало ему нравиться. Ребята подобрались интересные. А будущее могло и подождать, ведь оставалось провести в лагере всего лишь несколько дней. По возвращении Роб решил договориться с отцом о пересмотре планов или хотя бы об отсрочке. Ему ещё два класса нужно закончить. За это время успеет прокачать программирование. Не хотелось бросать то, что нравится. Придётся просить мамушку разобраться с отцом.

Вместе с отцом в палатках лагеря наступила тишина. Роберта настигла бессонница. Смутное предчувствие скорых перемен не давало покоя. Чтобы расслабиться, вышел наружу. Вдалеке горели огни большого села,

доносился лай дворовых собак. Луна повисла над Камой и развернула блестящую дорожку в ожидании тех, кто осмелится нарушить её одиночество. Небесный проектор уже запустил кинофильм с вечными звёздами в главных ролях. Сверчки дружно отбивали ритм ночи. Прохладно-тягучий от ароматов луга воздух щекотал ноздри. Роберт глубоко вдохнул: «Так просто и понятно устроена природа. И так сложна жизнь конкретного человека. Если взрослеть нужно, то почему это так тяжело происходит? Из родных никто не понимает. Каждый из них лепит из меня нового себя. А чего хочется мне, никого не волнует». Постояв пару минут, подросток немного остыл и вернулся под свод оранжевого брезента. Заснул почти моментально.

5. Эля

Полное имя её было красивым, прибавляющим вес лёгкому и тонкому девичьему телу. Элеонора Викторовна Моисеева. Родители — удачливый стоматолог Виктор и красавица-медсестра Танюша — познакомились, как водится у медиков, на работе. Стоматолог имел отягощение в виде назойливой матери, а медсестра компенсировала это способностью подстраиваться к любым обстоятельствам, она ведь умела терпеливо справляться и со странными проявлениями пациентов. О том, что свекровь с приветом, Танюша поняла сразу, но решила преодолевать сложности ради семьи.

Однако кропотливые усилия по разрушению их союза со стороны бабушки по отцу, Берты, достигли цели. Родители развелись, когда Элеоноре исполнилось семь. Девочка приняла это событие с достоинством, присущим представителю народа земли обетованной*. К тому же расходились роди-

* Земля Израиля, святая земля, что была обещана Богом иудеям.

тели спокойно, без дележа имущества и ребёнка. Квартиру разменяли, место жительства и график встреч с дочерью обсудили, алименты определили. Добровольно. Но глубоко внутри Эля не смогла простить родителей за то, что испортили ей детство.

В первом классе дети обычно похожи на несмышлёнышей, которые ещё не обвыклись со школьной обстановкой, нагрузкой и режимом. А Элька умела и читать, и писать, и складывать. Пока большинство сверстников корпело над крючками в прописи и слогами в учебниках, она изнывала от скуки. Тоскливо смотрела в окно, мечтала о прогулках во дворе или о книге, с которой можно залечь на кровати. В один из весенних погожих дней девочка попрощалась с матерью и зашла в школу, но до класса не дошла. Повесила рюкзак на крючок в раздевалке, выждала время и покинула учебное здание.

Гимназия находилась в центре Казани, до прогулочных зон рукой подать. Солнце ласково пригревало, словно зазывало понежиться в ещё не жарких лучах. Элька знала, что до парка «Чёрное озеро» идти недолго, минут пятнадцать. Преодолев несколько перекрёстков, как учили, строго на зелёный свет, она, наконец, оказалась в парке. Утром в нём было малоллюдно. К такому небольшому количеству народа девочка не привыкла, с родителями она бывала здесь по выходным или вечерами. В такие часы детские площадки выдерживали несколько десятков пар маленьких ног, скамейки служили местом отдыха и общения для пожилых, дорожки встречали любителей спорта, а небольшой пруд в дальнем конце парка дарил летом прохладу, а зимой превращался в каток.

В этот раз прогуливающих можно было сосчитать по пальцам. Элька прошла до центральной площадки, оглянулась, тюльпаны на газонах ещё не цвели, на деревьях только начали проклёвываться робкие листочки.

«Что делать-то? – задалась она вопросом. – Играть и разговаривать

не с кем». Но тут вспомнила про пруд и побежала к нему в надежде увидеть смешных уток. Они не разочаровали – уже бороздили водную гладь. Некоторые птицы выходили на газон, пощипать молодой зелени или умыться оранжевым клювом.

Девочка наблюдала за ритуалами водоплавающих, считала пернатых, бегала вокруг небольшого водоёма. Наконец устала и почувствовала жажду. Не додумалась взять бутылочку воды, которую мама заботливо клала ей в рюкзак рядом с тетрадями и учебниками. Пришлось признать, что нужно возвращаться.

Эля отсутствовала два часа, но оказалось, что за это время школа уже развернула поиски пропавшего ребёнка. Учительница оглядела утром класс и, недосчитавшись Моисеевой, написала в мессенджер матери. Та ответила, что проводила дочь в школу. Через полчаса запыхавшиеся родители – Татьяна Игоревна и Виктор Семёнович – вместе ворвались в класс. Оба в панике, с огромными от ужаса глазами. Учительница попыталась их успокоить, но какое там! Родители то грозили судом, то умоляли что-то сделать и любыми способами вернуть им дочь. Учительнице пришлось приводить их в чувство вместе с директором и срочно начинать поиски. Сначала осмотрели все углы в школе, затем прочесали территорию. Не нашли. Обратились в полицию, которая мигом отозвалась и приступила к розыску. Именно к этому моменту Эля и вернулась. Удивилась полицейским машинам и карете скорой помощи во дворе, но, ничего не подозревая, направилась в класс. Открыла дверь и увидела, что около родителей сидит бледная как мел, а одноклассники притихли за партами. Двое полицейских что-то обсуждали у окна. На появление девочки все разом повернули головы.

– Откуда? Как? Где? Почему? Что случилось? – закидали вопросами взрослые.

Её схватили чьи-то руки и начали трясти. Сквозь суету и крики Эля мало что понимала. Наконец один из полицейских успокоил разволновавшихся и обратился к ней:

– Элеонора, с тобой всё в порядке?

– Д...да, – от волнения и непонятности ситуации еле выдавила девочка, уткнувшись взглядом в пол.

– А где ты была? – продолжал спрашивать человек в погонах.

– Хм... ну-у-у, в парке, там утки...

Эля не успела произнести ответ до конца, как мать и отец, не выдержав, добрались до своего чада и наперебой стали тормозить, обнимать, целовать. Она опешила ещё больше, постаралась затихнуть и не двигаться.

– Так, давайте подождём с эмоциями. – Полицейский принялся отстранять обезумевших от счастья родителей от школьницы. Когда те успокоились, снова спросил девочку. – Ты одна гуляла?

– Одна, – ответила Эля и исподлобья посмотрела на окружающих. Захотелось исчезнуть и не видеть устремлённых на неё глаз.

– Ну, хорошо, пусть врач тебя осмотрит, и тогда отправим с родителями домой, – подбодрил полицейский.

Удостоверившись, что с ребёнком всё в порядке, родителей и Элеонору отпустили. Дома начались новые распросы:

– Детка, почему ты ушла? – Татьяна Игоревна держала дочь на коленях и гладила по голове.

– Мы же волновались, – поддержал бывшую жену Виктор Семёнович.

– Скучно сидеть в школе, – через несколько минут молчания выдала Эля.

– Ну как так? Не подумала о том, что тебя будут искать? – не унималась мама.

– Выставила нас перед классом и учителем полными идиотами, – добавил отец.

– А вы как могли?.. – тут маленькое создание, что мирно принимало ласки, превратилось в настоящую фурию. От неожиданного протеста родители пере-

глянулись. – Как вы могли разойтись, а?

– Дочка, это тебя не касается, это наши взрослые дела, – пролепетала мама.

– Да. Мы ведь с тобой видимся, – закивал отец и погладил по рукам и родной светлой макушке.

– Мы с папой, несмотря на развод, любим тебя и никогда не бросим, – мягко продолжила Татьяна Игоревна.

Эле оставалось поверить в эти слова. С детской наивностью втемяшила в голову идею, что для воссоединения родителей она должна быть лучшей – везде и во всём. И тогда через любовь к ней они снова станут парой.

Дальше жизнь Эльки складывалась благополучно. По крайней мере, так казалось со стороны. Престижная школа, уроки музыки и танцев, изучение языков, особенно английского. Мало кто замечал тоскливое состояние девочки, да и к тому времени она научилась маскировать эмоции, даже Татьяне Игоревне не всегда удавалось разгадать, что таит в своей душе дочь. Не убегает из школы, отличница, книжки читает – вот и прекрасно. А что язвит иногда, так это от недостатка мужского воспитания. Растут же как-то дети у других разведённых пар, и Эля вырастет.

Со временем отсутствие отца в семье перестало беспокоить девочку. Начался подростковый возраст и поиски своего места в мире. В последние годы она увлеклась темой экологии и участвовала в волонтерских проектах от школы. Даже думала о том, как откроет компанию по производству экотоваров для дома. Поделилась идеей с отцом.

– Наивными фантазиями сыт не будешь, – ответил Виктор Семёнович и предложил дочери поехать в лагерь для талантливых подростков. – Место престижное, туда просто так не попадёшь. Езжай, развеешься, друзей умных заведёшь. Заодно поучишься бизнесу, начнёшь прибыль и убытки различать и трезво оценивать будущее. Элеонора, подумай, пожалуйста, о том, что мода на эко может пройти, а стома-

тология всегда прокормит. Зубы людям всегда будут нужны, хотя бы даже для красоты.

– Па, говорила же: не хочу быть дантистом. Ни малейшего интереса к этой профессии. – Дочь заглянула в глаза взрослого с надеждой на понимание.

– В медуниверситете не только на врачей учатся, там и связи полезные нарабатывают, и женихов находят, – подмигнул отец, а Эля закатила глаза.

– Ок! В лагерь поеду. Всё же лучше, чем с вами на даче тусить. – Девочка взглянула на удивлённое лицо родителя и рассмеялась: – Да, ладно, па, я знаю все твои правила. Обещаю быть примерной и в истории не влезать.

– Знаю, поэтому и напоминаю про приличия и здравый смысл. Никаких больше историй, как тогда, когда ты с мальчиками из класса побежала по весеннему тонкому льду Казанки. На спор. К счастью, полицейские вас заметили с моста и вывели на берег.

– Можно подумать, в детстве ты не делал бабушке инфарктов! – Эля, как маленький манипулятор, умело перевела стрелки.

– Элеонора, – погрозил отец. – Ты – девочка. С тебя другой спрос.

«Ну, конечно, девочки должны то да сё, чтобы их любили. А мальчики и сами по себе хороши». – Эля молча покивала, выказывая согласие, так как не чувствовала желания выслушивать родительские наставления в пятисотый раз. В ней уже созревала полноценная личность, способная решать самостоятельно.

В лагере она сразу же назвалась Элей – не может девочка в полтора метра ростом быть степенной Элеонорой. Не вязалось громоздкое имя с подвижностью и лёгкостью тела.

При разделении на отряды Эля сразу заметила в толпе высокого стройного парня. Мальчишки его возраста часто бывают несуразными. Тело меняется, отдельные его части не поспевают за другими. А этот выглядел вроде ничего. Длинноногий, но при этом складный, не мускулистый, но и не хлипкий. Тёмные

волнистые волосы доходили до плеч. Оливкового цвета глаза и пушистые ресницы привлекали внимание, но Роб делал вид, что не замечал повышенного интереса к своей персоне. Держался отстранённо. Длинные шорты баскетболиста и свободная белая футболка завершали образ и удивительно ему шли. Девчонки называли его «американец».

Эля не могла пропустить любопытного парня и подошла сама со словами:

– Привет! Давай знакомиться. Я – Эля, похоже, мы в одном отряде.

– Хай! Я – Роб, – отозвался парень.

– Так ты точно не местный?

– Родился в Казани, но уже несколько лет живу в Америке.

– Ага, теперь слышу акцент. И где лучше? – допытывалась девочка, запрокинув голову вверх, рост её был на полторы головы ниже.

– Лучше там, где тебе хорошо, а мне везде don't get good vibes*, – ответил Роб.

Эля оценила его откровенность. В английском она преуспела гораздо шире школьной программы, даже читала на языке международного общения статьи по экологии. В словах Роба сквозила неприкаянность, которая занозой сидела и в ней самой. Невозможно смириться с тем, что выбор за тебя делают взрослые, прикрываясь добрыми намерениями. Даже если они старше и опытнее, это не даёт им право решать за тебя.

Эля нашла в Роберте единомышленника, а ещё считала за честь дружить с кем-то постарше. Девчонки в лагере посмеивались и выпытывали: «Вкрашилась?»** Элька откровенно отвечала: «Никаких крашей, только расчёт», – чем озадачивала их ещё больше. Смысл слов не разъясняла – зачем тратить время и силы на то, чего не понять суетливым трещоткам. Как лю-

* Don't get good vibes (англ.) – нет приятного места.

** Вкрашилась (от англ., подрост. сленг) – влюбилась.

била говорить бабушка Берта: «Бисера на всяких не напасёшься». Хоть и вредная бабуля, но в остроумии отказать ей было сложно.

В историческом музее Эля намеренно держалась рядом с Робертом. Мальчишки даже в подростковом возрасте понятнее девчонок. Легче и проще слыть «своим парнем» среди друзей противоположного пола. Отношения в девчоночьих компаниях представлялись клубком спутанных ниток в шкатулке для шитья. Чтобы распутать, нужно точно знать, за какой конец тянуть. Разбираться с этим хитрым делом желания не было, потому что требовалось терпение, а усидеть долго на одном месте она не могла. Тем более интриги – частые спутники женских коллективов – навевали тоску. Эля не выносила скучных разговоров и избегала откровений перед подругами, чтобы потом самой не стать мишенью для очередных сплетен. Она не понимала долгих обсуждений моды, нарядов, украшений. Считала бессмысленным разбор чужих отношений. Какими-то детскими казались эти темы. А ей хотелось скорее повзрослеть. Ведь тогда никто не сможет указывать, что делать и как жить.

Экскурсия в музее запомнилась благодаря древним подвескам. Роберт предложил примерить их, а потом вывел из себя идиотским поступком. Эльку забомбило так, что она сорвалась на ответное обзывание. А это точно не по-взрослому. Ещё и Неля Мунировна нагнала страху. Ну, ладно. Какое может быть проклятье в исторических экспонатах? Глупости всё это.

Вечером Эля вместе с отрядом участвовала в концерте и посиделках у костра, а после отбоя спокойно заснула. Подвески в памяти больше не всплывали.

Наутро перед походом Роберт подошёл к девочке и положил руку на плечо:

– Элька, sorry* за вчерашнее. Глупо

получилось. Но все эти исторические шуточки, – он скривил рот, – навевают тоску. Поэтому захотелось разбавить...

– В следующий раз давай без плохих шуток, не то получишь ответочку. – Укор в голосе показал Роберту глубину обиды девочки, и он стыдливо поджал губы. – Да ладно, расслабься! Извинения приняты, едем дальше. – Элька подмигнула левым глазом и этим поставила точку в конфликте.

Но про себя она отметила: «Рановато записала Роберта в ряды тех, кого можно считать взрослыми и рассудительными. Хорошо ещё, догадался извиниться, значит, не всё потеряно. Посмотрим, что будет дальше». Иллюзий Эля не испытывала. В её расчётливой голове всё имело конкретную причину, подвергалось оценке и анализу последствий. Чувства казались бесполезной тратой времени и сил.

6. Древний город

Город по-хозяйски известил о наступлении утра гулками шумами с улицы. Солнце не могло вольготно проникнуть в окна дома, мутный материал бычьего пузыря не пропускал свет в полном объёме. Но звуки шагов, разговоры прохожих, стук копыт, скрип телег и повозок создавали ритм, заряжающий на подъём.

Профессор готовил завтрак, пока Роберт с Элей ворочались на полатах и тёрли глаза в надежде увидеть современный лагерь, а не бревенчатые стены дома, затерянного в далёких столетиях.

– Это был не сон, – простонали подростки и погрузнели. Придётся обжиться в этом времени.

– Доброе утро! – Даат заметил расстроенные лица ребят. – Хм, ну-ка! Вы в лагере режим соблюдали? Тогда и здесь продолжайте. Обыденные действия помогут пережить любые перемены. А теперь – умываться в сенях и завтракать.

Сени выполняли роль хранилища.

* Sorry (англ.) – прости.

На деревянных полках вдоль одной из стен расположились набитые чем-то холщовые мешочки, неизвестные ребятам мелкие предметы, посуда. Свет здесь проникал через крошечное оконце, и в узком солнечном потоке, что падал на деревянный пол, медленно кружили пылинки. На большую бочку, перевернутую вверх дном, профессор поставил медный таз с металлическим кувшином и сосуд с какой-то мутной жидкостью. Подростки озадаченно переминались с ноги на ногу.

– Что смотрите? Вот вода, поливай-те друг другу из кумгана, всё просто. А в сосуде моющий раствор из отвара мыльнянки. Один травник готовит. Ну, бодрее, гигиена и труд всё перетрут, – историк подгонял ребят и одновременно знакомил с бытовыми условиями жизни в Средневековье.

Прохладная вода мигом смыла остатки сна, как и надежду на возвращение в привычную реальность. Вокруг был всё тот же двенадцатый век, с отсутствием водопровода, связи, электричества и Интернета.

На завтрак Даат успел раздобыть молока и лепёшек, а ещё отварить яйца.

– Сдаётся мне, такого вкусного завтрака вам ещё не приходилось пробовать. – Он нахваливал небогатый стол, чтобы избавить ребят от уныния, заставить забыть о домашних разносолах, ему больно было видеть их понурые лица. – Скорее за стол! После еды покажу город, заодно и свои дела решу.

Через час вышли из дома. Перед этим профессор, как заправский стилист, собирал наряды для своих подопечных – по последним трендам начала второго тысячелетия. Сперва подростки воспротивились древней моде. Пришлось Даату выдать мини-лекцию о необходимости преобразования, чтобы раствориться среди местных и не вызывать подозрений. Сделать это без привычной для болгар одежды было бы сложно.

Роберт надел широкие штаны, льняную рубаху до середины бедра,

подпоясался широким кушаком*. Ногам достались мягкие чувяки. На голову повязали длинное полотенце, намотав его наподобие чалмы.

– Ни дать ни взять, герой восточной сказки, – одобрительно осмотрел его профессор.

Без большого зеркала подросток не мог увидеть себя полностью, но даже в крохотном разглядел детали необычного наряда. «I'm a clown»**, – мысленно оценил он свой образ.

Эля не любила носить платья и юбки. В её гимназии разрешались классические брюки. Вне школы девочка выбирала между джинсами, джоггерами, бананами и леггинсами, такая одежда позволяла чувствовать себя удобно в любых обстоятельствах. Но было одно исключение. Бабуля Берта запретила приходить к ней в дом, если внучка не будет фалдить подолом вокруг ног. Приходилось раз в неделю терпеть юбки ради общения с властной родственницей.

Нынешние условия жизни требовали полный отказ от брюк. Эля покорилась и сменила лёгкие бермуды на длинное прямое платье, материал которого казался грубым и даже кололся. Светлые локоны пришлось убрать под простой платок, который, по уверению профессора, местные девушки носили, накинув на голову, как покрывало. Длинный платок с непривычки всё время соскальзывал с волос и приходилось придерживать его. Девочка хотела поначалу воспротивиться, но после страшилок о наказании за отсутствие головного убора смирилась. Ноги утонули в рыжих поношенных кожаных тапочках на пару размеров больше. Но других не имелось.

Перевоплощение в сверстников из древних веков состоялось. Роберт с Элей посмотрели друг на друга и расхохотались. Слишком нелепыми они

* Кушак (тюрк.) – пояс из широкого и длинного куска ткани.

** I'm a clown (англ.) – я клоун.

выглядели в одежде с чужого плеча. Даат поддержал веселье короткими фыркающими смешками.

Элементы гардероба он выпросил у соседа Мумина, в семье которого росло четверо детей. С ним профессор поддерживал добрые отношения и часто помогал по хозяйству, а они снабжали его продуктами. Даат не удержался от теоретического отступления после рассказа о происхождении одежды:

– Соседи как родственники. Ты к ним с уважением, и они к тебе так же. Сильная сторона этого времени – в единстве, тут царит коллективизм. А в нашем преобладает индивидуализм. Роберт и Эля, давайте обсудим легенду. Предлагаю прикинуться моими дальними родственниками. То, что язык не знаете, не страшно, будете молчать. На улицах держитесь меня и не вмешивайтесь в течение городской жизни, чтобы не вляпаться в какую-нибудь историю. Помните, что мы – всего лишь наблюдатели в этом средневековом мегаполисе.

– Ок, – пожал плечами Роб, почесавшись, от непривычного материала одежды тело зудело.

– Как будто мы снова в музее и нам показывают фильм, – вздохнула Эля.

– Скорее, виртуальная реальность, – уточнил профессор.

Он навесил на дверь дома массивный замок, и компания двинулась по улице.

– Даат, – начала Эля. – Нам обязательно идти? Остаться дома не вариант? Что интересного в этом древнем месте?

– Не понимаете своего счастья. Какой смысл сидеть дома, когда есть возможность увидеть что-то новое?

– А вы сами как попали сюда? – Роберту давно не терпелось разузнать подробности истории их спасителя.

– Обязательно расскажу, сейчас не место, – пообещал профессор, ещё не представляя, как поведать о своём перемещении в прошлое, не напугав детей.

Дальше шли, разглядывая улицы.

Ребята отмечали, что иногда дома отличались размерами, длиной ограды. Ближе к центру стали появляться каменные здания и постройки в два-три этажа. Улицы стали богаче и опрятнее. Даат пояснял по ходу движения:

– Смотрите, сколько идём, а до дворца эмира не дошли. Эмир – это правитель города и всего государства. Булгар – большой город, здесь проживает около сорока–сорока пяти тысяч жителей. Есть своя окраина, где находится мой дом. Мне так удобнее, подальше от дворцовой охраны, за крепостные стены можно быстро уйти, да и по средствам устраивает. А вот вокруг дворца расположены богатые дома знатных горожан и высших военных чинов. Сейчас находимся в ремесленном районе. Тут увидите настоящих кузнецов, ювелиров, гончаров, кожевников, косторезов. Они изготавливают все виды товаров на продажу.

– Наверное, это спокойный район? – заключила Эля.

– Вполне. Опасных мест в городе почти нет. Кроме тех, где живут приезжие торговцы, иноверцы и иностранцы. Здесь его называют Караван-сарай. Компания там разношёрстная, люди всяких взглядов и традиций, поэтому с ними нужно быть осторожными, любое недопонимание может привести к неприятным последствиям. У меня есть дело к кузнецу Чукиру, он обещал процесс литья показать. Вам там находиться ни к чему. Побродите, осмотритесь, но не уходите далеко от этого места, – попросил Даат и вошёл в кузницу.

Делать нечего. Элька и Роберт остались на время одни. Сначала через приоткрытую дверь глазели, как Чукир – крупный мужчина в кожаных фартуке и рукавицах – стучит молотом по железному пруту, а его помощник раздувает меха для печи. Жар обжигающими волнами вырывался из кузницы на улицу, принося с собой запах раскалённого металла и дровяной печи. Но скоро стало слишком припекать, и любопытство подтолкнуло ребят отправиться дальше. За Кузнечной сло-

бодой увидели мастерские гончаров, полюбовались, как в ловких руках на крутящемся круге рождаются чаши. По соседству отыскивали улочку ткачей, а там и сапожников, ювелиров, кожевников. В каждой слободе резали, измеряли, шили, паяли и творили трудолюбивые ремесленники. Работали в одиночку или с помощниками. Диковинные инструменты проворно мелькали в натруженных руках, и появлялись на свет изделия, которые бережно осматривались и складывались. Некоторые из них ребята никогда не видели и не знали области их применения.

– Элька, а ты умеешь шить? – внезапно обратился Роберт к спутнице, когда они оказались далеко от места, где остался Даат.

– Ну, хм... немного, если, конечно, приспичит. Пуговицу приметать или дырку заштопать, конечно, смогу. А зачем? Всё продаётся в торговых центрах или онлайн, – парировала Эля и указала на лавку, мимо которой они проходили. – Ты-то сам сможешь, например, муку намолоть тяжелеными каменными жерновами? В музее, помню, были намного меньше. Смотри, как парень ловко управляется!

Девочка засмотрелась на то, как юноша засыпал зерно в середину огромных камней. Потом за поводья повёл осла по кругу, приводя в движения неподъёмные махины. Мука белыми струйками посыпалась из-под верхнего камня в установленные чуть ниже широкие медные тазы. Наполненные чаны работники уносили в пекарню. Утренняя выпечка уже была готова

и бойко расходилась, заманивая сдобно-сладким ароматом и пышностью.

– Нет, я так не могу. Ты заметила, что во всех мастерских работают лишь мужчины и мальчишки? И на улицах мало женщин. Они, получается, сидят по домам?

– Разделение труда и функций в обществе и семье. Экономика за восьмой класс. Да, многое ещё предстоит пройти человечеству до равноправия, – вздохнула Эля, вспомнив школу, родителей и жизнь подростка двадцать первого века.

Неподалёку раздалось журчание. Девочка оглянулась и потянула друга за собой. На небольшой площади они отыскивали питьевой фонтан. День только начинался, а воздух уже обжигал кожу и сушил горло. Одежда с непривычки ощущалась неудобной, а вода даже на расстоянии манила свежестью и прохладой.

К фасаду одного из домов примыкал огромный молочного цвета камень, из верхней трети которого торчал бронзовый кран. Над ним были высечены арабские буквы. Водный поток звонко ударялся о дно квадратной чаши и уходил через отверстие по желобу вниз по узенькой улочке. Подростки набирали живительную влагу в ладони, пили и нахваливали её вкус. Потом стали плескаться друг в друга. Их заливистый смех привлёк внимание прохожих, и внезапно из толпы отделился мужчина с саблей на поясе. Он быстро направился в сторону ребят. Роберт заметил приближающуюся фигуру и в страхе крикнул Эле: «Run away!»*

(Окончание в следующем выпуске.)

* Run away (англ.) – беги.